

Роман Ходькин,
партнер лондонского офиса
“Berwin Leighton Paisner”,
канд. юрид. наук

Итоги 2014 года: гипотеза, диспозиция, санкции...

Вот и еще один год подходит к концу. Снова время подводить итоги. Безусловно, принятие нового регламента Лондонского международного третейского суда (LCIA), вступившего в силу 1 октября 2014 г., должно было стать одним из знаменательных событий уходящего года хотя бы потому, что порядка 1/3 всех споров в этом суде касаются стран СНГ. Обновленный регламент вобрал в себя многие положения, которые уже действовали в других частях света (например положение о чрезвычайном арбитре), но экономические санкции и политическая ситуация затмили это событие.

Любой экономический кризис чреват увеличением количества споров. В 2008 г. также был всплеск арбитражной активности, однако введенные против России санкции повлекли за собой совершенно новые для постсоветского арбитража проблемы. Например, арбитры, участвующие в разбирательствах с участием лиц, попавших под санкции, стали брать самоотвод. Особенно это характерно для американских арбитров: санкции США более суровые, и они переживают по поводу того, что с точки зрения американских законов разбирательство споров может рассматриваться как не прямое оказание услуг лицу, находящемуся под санкциями, и как не прямое получение от него доходов.

Впрочем, это не так страшно, в конце концов, можно выбрать неамериканского арбитра. Проблема лежит глубже: из-за экономических санкций некоторые юридические фирмы уже были вынуждены остановить работу по представлению интересов клиента в арбитражных делах. Если в отношении арбитра еще можно попытаться обосновать неприменение санкций со ссылкой на то, что арбитры выполняют квази-судебную функцию и, соответственно, это не есть предоставление стороне услуг, то в отношении адвокатов это невозможно априори. Представьте себе ситуацию, когда за несколько недель до слушания дела сторона лишается юридического представителя, а другие юридические фирмы также отказываются работать из-за существующих ограничений.

Среди арбитражных специалистов активно обсуждается вопрос: не приводят ли санкции к нарушению права на справедливое разбирательство, когда попавшее под них лицо ограничивается в правах по назначению арбитра и выбору юридического представителя?

Не менее актуален вопрос о влиянии санкций на договорные отношения сторон.

Прежде всего нет единства мнений о природе санкций, что затрудняет квалификацию понятий и определение применимых норм. От этого может зависеть

результат всего разбирательства. Существует три основные точки зрения по поводу того, что санкции — это:

- 1) фактические обстоятельства, препятствующие исполнению обязательств. В данном случае санкции могут служить основанием для расторжения / прекращения действия договора со ссылкой на форс-мажор или на доктрину тщетности (фрустрации) в странах общего права;
- 2) юридические нормы как часть применимого права. Показательным примером такого подхода является дело *Company Européenne des Pétroles SA v Sensor Nederland BV*, в котором голландский суд отказался применять американские законы о санкциях, поскольку отношения регулировались голландским, а не американским правом;
- 3) нормы непосредственного применения, регулирующие отношения, независимо от выбранного сторонами права (российский аналог данной концепции закреплен в ст. 1192 ГК РФ).

В соответствии с английским правом контрагент может отказать от исполнения договора, если санкции попадают под определение форс-мажора в контракте или истец может доказать тщетность (фрустрацию) данного документа.

В странах континентального права форс-мажор предусмотрен законом, в то время как в английском праве его нужно прямо оговаривать в договоре. Суд учитывает, рассматриваются ли санкции в договоре как обстоятельства непреодолимой силы. В деле *Arab Shipping Enterprises Co Ltd v Groupama Transport [2011] EWCA Civ 620* суд признал, что действие страхового полиса прекратилось, поскольку в случае введения санкций это прямо разрешалось имеющейся в контракте оговоркой о форс-мажоре.

Если форс-мажор в договоре не предусмотрен, сторона все еще может сослаться на доктрину тщетности (фрустрации), хрестоматийным примером которой стала незаконность исполнения, обусловленная введением санкций уже после заключения контракта. Однако в подобном случае важно показать, что должник не может получить от властей разрешение на совершение платежа. Именно по такому основанию в делах *DVB Bank SE v Shere Shipping Co Ltd [2013] EWHC 2321 (Comm)* и *Meli Bank plc v Hollbud Limited [2013] EWHC 1506 (Comm)* суд не позволил стороне расторгнуть договор, поскольку в обоих случаях получение данного разрешения было возможным.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что от санкций страдают все, а не только те, кто попал в «черный список». Разбирательства затягиваются из-за отвода арбитров и представителей, а добросовестная сторона не может добиться от противоположной стороны исполнения обязательств. Эти проблемы повлекут за собой серьезные испытания для арбитражной концепции.

Отечественный арбитраж пережил многие вехи в истории, будем надеяться, что с честью выйдет и из этого испытания... ☹